

Николай Цуканов

«Ножки Буша»

*Кировоград
2014*

*При создании обложки
использована работа Аркадия Русина*

История, о которой я хочу рассказать, требует небольшой преамбулы и экскурса в недалекое прошлое. 22 января 1991 года поздно вечером мы из средств массовой информации узнали, что президент Михаил Горбачев подписал Указ об изъятии из обращения и обмене 50- и 100-рублёвых купюр образца 1961 года. Обменять их на новые банкноты можно было лишь в три последующих дня. Самое страшное, что один человек мог обменять не больше тысячи рублей!

Но не буду долго распространяться об этом историческом факте. Главное, что в результате этого решения весь советский народ в январе 1991-го три дня простоял в очередях, чтобы успеть обменять крупные денежные знаки. И, конечно же, в результате реформы больше всех пострадали наши родители, копившие деньги на черныи день и светлое будущее.

Напомню, это был январь 1991 года. А уже в декабре с карты мира исчезло огромное государство. В результате распада СССР образовалось 15 независимых республик, в том числе и Украина. Об этом написано уже множество книг. Конечно же, я, как ровесник того времени, мог бы тоже рассказать об этом историческом факте, так сказать, со своей колокольни. Но ограничусь одним.

Итак, в августе 1991 года произошла попытка государственного переворота, позднее названная ГКЧП. В тот день я, как и многие другие граждане СССР, жарился на солнышке в Крыму. Известие о том, что в стране вводится чрезвычайное положение, повергло меня в состояние шока. Я много раз в фильмах видел момент, как тысячи людей, собравшиеся возле громкоговорителей, слушали по радио сообщение о начале Великой Отечественной войны. Точно так же, узнав о ГКЧП, сотни людей в плавках и купальниках обступили какого-то счастливица с радиоприемником

«ВЭФ» и, переглядываясь, молча пытались понять, что же на самом деле произошло там, в далекой Москве. Но, повторюсь, сегодня моя история совсем не об этом.

Начну по порядку. Итак, в начале 1992 года в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил мой давний приятель, Василий Алексеевич Калашников. И хотя разница в возрасте между нами была довольно существенной, это не мешало нам поддерживать дружеские отношения. (Кстати, Василий Алексеевич был директором крупного завода продтоваров.)

Услышав мой голос в трубке, он безо всяких предисловий спросил:

– Ты еще долго будешь ерундой маяться? Ну «что-что»? Бездельничать долго будешь?

– Да я вроде как работаю, – начал оправдываться я.

– Ты мне еще скажи, что последние семь лет, сидя в обкоме комсомола, ты тоже работал. Работают люди у станка и у сохи, а все остальные – это дармоеды. А чтобы ты не обижался, скажу, что я тоже нахлебник. Какой толк в том, что я директор? Подписываю бумаги, командую, умничаю, но ничего не произвожу. Короче, собирайся, поедешь со мной!

– Куда? – недоуменно переспросил.

– Куда-куда! Раскудахтался... Работать! В Москву поедем, на заработки.

– На заработки, в Москву? – я не мог поверить собственным ушам. – Василий Алексеевич, до первого апреля еще далековато, а вы меня уже разыгрываете.

– И не думаю разыгрывать. Ты же учился в Москве целых пять лет, знаешь повадки москвичей, менталитет их, в конце концов. Вот такой спец мне и нужен.

– А что мне надо будет делать?

– А я тебе должность придумал. Будешь работать сопровождающим директора лицом!

– Это как? – спросил я.

– Очень просто. Возьмешь костюмчик с галстуком, рубашку светлую, сделаешь умное лицо, а тебе к этому не привыкать, и будешь со мной ходить на встречи, вести переговоры. А если по правде, то мне скучно одному ехать автомобилем за тысячу верст. Так что даю тебе на сборы тридцать минут, и – в путь. Да, и костюмчик на всякий случай прихвати. Все-таки за границу едем. Короче, собирайся. Я к тебе уже выехал, – и он положил трубку.

Я стоял, недоуменно пытаюсь переварить услышанное, не зная, за что браться в первую очередь, но тут снова зазвонил телефон. Я обрадовался, думая, что авантюра отменяется. Но тот же голос весело спросил:

– Ты ел когда-нибудь ножки Буша?

– Чьи ножки? – не понял я.

– Турок ты. В Москве сейчас километровые очереди выстраиваются за этим деликатесом. Вкус потрясающий, просто объедение. Я прошлый раз за один присест съел этих самых ножек больше, чем водки выпил! Что очень редко случается. Шучу я, шучу! А еще я тебе настоящую колу обещаю. Фирменную. Это вообще выше крыши – запивать курочку колой. Но не той, что я тебя уже угощал, – и он снова положил трубку.

«Ту самую» «Кока-колу» я запомнил надолго. В памяти, словно по мановению волшебной палочки, возник тот давний нелепый инцидент. Это было самое начало нашего знакомства, когда я по протекции впервые попал в кабинет директора завода «Продтовары». Невысокого роста полный мужчина с лысеющей головой поднялся мне навстречу, протянул руку и, указывая на стул, заговорил со мной как с давним знакомым:

– Представляешь, этот БК ни черта не охлаждает!

Я недоуменно посмотрел на него.

– Да этот самый, как его – кондиционер, – и он показал на окно, в форточку которого был врезан огромный ящик с ручками регулировки.

(Для тех, кто не жил в СССР, думаю, нужно уточнить. Сегодня он – большая редкость, этот старый советский прибор, помогавший гражданам Страны Советов бороться с жарой в летние дни. Я имею в виду кондиционер Бакинского завода. Но тогда наличие этого устройства многое говорило о статусе хозяина кабинета.)

Но вернусь к первой встрече с Василием Алексеевичем.

Он сел за стол напротив меня и, загадочно улыбнувшись, спросил:

– Ну, что там, на улице, жара? А может, стаканчик колы пропустишь?

Надо сказать, что я, к стыду, в свои годы еще ни разу не пробовал этого американского напитка. Хотя справедливости ради надо отметить, что «Кока-кола», безалкогольный газированный напиток, только в 1988 году вышел на рынок СССР и лишь редкие счастливицы смогли отведать его. Поэтому предложение прозвучало очень заманчиво. Да и жара на улице стояла невероятная – температура воздуха на улице перевалила за 30 градусов выше нуля. И я, разумеется, обрадовано закивал головой.

Василий Алексеевич открыл стоящий в углу холодильник, достал небольшую бутылочку и на половину наполнил граненый стакан где-то. Я автоматически мысленно пожалел, что он налит не доверху, так мне хотелось пить. Предвкушая удовольствие от вкуса напитка, я взял запотевший от холода стакан и залпом проглотил содержимое. В ту же секунду у меня спазмом сжало горло, а по щекам потекли слезы. Я хватал воздух, как умирающая рыба и никак не мог понять, что же произошло.

Стоявший рядом Василий Алексеевич надрывался от смеха. Когда я полностью пришел в себя, Василий Алексеевич с иронией сказал:

– Ну, кто же так колу пьет? Надо понемногу, нежно, маленькими глоточками. Это же благородный напиток, любимый миллионами. А ты его как водку хлебаешь.

– Это что, та самая «Кока-кола», о которой так много говорят? – недоверчиво спросил я. – И что, ее уже детям разрешают пить?

Василий Алексеевич уставился на меня, как на сумасшедшего и, неспешно подбирая слова, спросил:

– Ты что, серьезно подумал, что это кола? Это ж наш завод ореховку бодяжит. Настойка такая. Шестьдесят полноценных градусов в ней. Хорошее средство от болей в желудке. Правда, не в таких дозах, какими ты хлещешь. По ложечке надо, по ложечке. А ты накинулся...

Я недоуменно смотрел на директора и не мог поверить, что меня так просто разыграли. Мало того, по своему состоянию я начал понимать, что эта самая ореховка уже дает о себе знать. Конечно, мое пищеварение она не улучшила, но напряжение как рукой сняла. Еще бы – выпить полстакана крепкой настойки. Слава богу, что стакан был наполнен не до верху.

...Я еще не успел собраться, как за окном прозвучал сигнал автомобиля. Выглянув в окно, я увидел стоящую внизу белую «Волгу» ГАЗ-24, из окна которой выглядывал Василий Алексеевич. Он помахал мне рукой, мол, давай быстрее, чего чешешься. Ехать-то далеко...

Через несколько минут мы уже выезжали из города. Меня друг друга за рулем, мы почти за двадцать часов доехали до столба с надписью «Российская Федерация». И тут произошло одна неприятная история, о которой, думаю, не лишним будет упомянуть.

В те годы, о которых идет речь, не было границ в сегодняшнем понимании, а также пограничников и пунктов таможи, которые сейчас внимательно проверяют содержимое багажа представителей братских народов. Вместо всего этого стояли обычные пункты ГАИ. И вот мы подъехали к такому же. Василий Алексеевич внимательно, как

и подбавляет дисциплинированному водителю, всматривается в сторону пункта, у которого стоят два сотрудника ГАИ, с интересом поглядывающие в нашу сторону. А Василий Алексеевич совсем упустил из виду то, что впереди дорогу перекрывал шлагбаум, который после соответствующей процедуры поднимали. И вот наша машина приблизилась к нему на небольшой скорости, но очень уверенно, все ближе и ближе. И тут я начинаю понимать, что для Василия Алексеевича эта преграда остается незамеченной – он увлекся гаишниками, и глазами ловил каждое их движение.

С перепуга я забыл, как называется этот самый шлагбаум, и со всей мочизаорал:

– Забор, забор!

Василий Алексеевич резко ударил по тормозам. Машина остановилась в последний момент, в 20 сантиметрах от преграды. Эту же картину наблюдали работники ГАИ. И один из них уже мчался к нашей машине на всех парах:

– Вы что, хохлы, – орал он. – Прорываться через границу надумали!? Давайте документы! Ну, вы даете! Пьяные, что ли? – он нагнулся и просунул голову в окно, пытаясь понюхать воздух в салоне. Но о том, чтобы выпить спиртное, в нашем случае не могло быть и речи.

Лейтенант, забрав документы, направился к помещению стационарного пункта. На Василия Алексеевича жалко было смотреть. Его руки словно приклеены были к рулю, а обе ноги упорно жали на педаль тормоза. Он тихо повторял одну и ту же фразу:

– Кажется, приехали.

Я понял, что ситуация полностью выходит из-под контроля и мне придется вмешаться. Я вошел в помещение пункта ГАИ и, не спрашивая разрешения, сел на стоящий там стул. Лейтенант сверкнул глазами и попытался что-то произнести, но я его перебил:

– Что же это вы, товарищ лейтенант, на представителей народа так кричите? Обзываете, напраслину возводите, вроде того, что мы пьяные. Никакого уважения к законно избранным депутатам. Мало того, еще всех хохлами обзываете. А я, между прочим, русский, у меня вон отец из Орловской области, милиционер, между прочим, хоть и бывший.

Лейтенант удивленно взглянул на меня. А в то время отношение к депутатам было несколько иным, чем сегодня. Это сейчас слово «депутат» воспринимается как ругательство. А тогда... Конечно, это был недозволенный прием, попытка вытащить козырь из рукава, но ничто иное в голову не приходило. Я медленно достал из кармана книжницу с темной кожей на обложке, где золотыми буквами было написано «ДЕПУТАТ», а чуть ниже, уже мелким шрифтом значилось – «областного совета» и молил бога, чтобы инспектор не поинтересовался, что написано внутри.

– Вы депутат? – перешел на уважительный тон лейтенант. – Чего же сразу не сказали? Первый раз в своей жизни живого депутата вижу. Вот зараза...

Я, грешным делом, подумал, что это он меня так обозвал, но лейтенант, сделав паузу, продолжил:

– Ну, разве можно так людей возить? Убьет же такого уважаемого человека! – Он вышел и направился к «Волге». Протянув права в окошко, он гневно посмотрел на Василия Алексеевича. – Ты, вот чего, учишь ездить, хохол! Не дрова возишь. А то ты так всех наших депутатов угробишь.

Я не стал разубеждать лейтенанта в том, что я никогда не был их депутатом и такой же хохол, как и мой водитель. Быстро сел в машину и, высунувшись из окна, произнес:

– Спасибо за службу, лейтенант! А с этим я сам разберусь. Поехали!

Воцарилась тишина. Машина потихоньку набирала скорость и удалялась от поста ГАИ. И тут Василий Алексеевич словно проснулся от спячки:

– А с кем это ты разберешься? И что ты такого ему сказал, что он нас отпустил? Что-то я ничего не пойму.

Я засмеялся:

– Умом, Василий Алексеевич, Россию не понять. И, заметь, это не я сказал, а Федор Тютчев, – я, решив поумничать, даже процитировал: – «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить». А в данном случае в меня поверил лейтенант. Как в слугу народа. Да еще и живого.

Как оказалось, наш дальнейший путь лежал не совсем в Москву, а в Подмоскowie, вернее в Павлово-Посад, где, приехав, мы поселились в двухкомнатной квартире, предварительно забронированной Василием Алексеевичем. По тому, что она была укомплектована всем необходимым, было понятно – Василий Алексеевич в ней далеко не в первый раз. Чьи-то заботливые руки заранее сложили все необходимые продукты в холодильник – он был забит колбасными изделиями, фруктами и другими деликатесами. Мой напарник, видно, так перенервничал, что без лишних слов хлопнул стакан русской водки и, закусив долькой лимона, завалился спать. Через полчаса его примеру последовал и я.

Утром я проснулся от непривычного запаха, доносившегося из кухни. Пахло чем-то необычно вкусным. Оттуда же доносились слова песни, которую напевал Василий Алексеевич:

– Два кусочка колбаски у тебя лежали на столе...

Войдя на кухню, я увидел стоящую на столе миску, наполненную кусками жареного мяса.

– Вот они, – с гордостью произнес Василий Алексеевич. – Американские ножки. Загадывай желание, все-таки в первый раз есть будешь. Чувствуешь, какой аромат, а? Вот это кайф! Жаль, водки с утра нельзя пригубить. Хотя тебе можно. Ты остаешься на хозяйстве.

К сожалению, тогда я еще не знал, что пресловутые «американские ножки» лежали в американских морозильниках со времен Второй мировой войны, и об их сомнительной пользе позже будут трубить многие издания. Но в тот момент запах и чувство голода сделали свое дело. Я присоединился к Василию, с наслаждением уплетая заморский деликатес. Тем более это было приятно сделать под рюмку холодной водки. Я, конечно, в тот день не смог побить результат жителя Калифорнии Джои Чесната, которому удалось съесть 191 куриное крылышко за 12 минут, но только потому, что такого количества у нас на столе попросту не было.

– Ну что, если почувствовал вкус жизни, то отдыхай, а я пошел встречать груз, – Василий Алексеевич как бы подвел черту под утренним приемом пищи.

– Что за груз? – больше для проформы, чем ради любопытства спросил я.

– Бартером будем заниматься. Мы им, а они нам. Карл Маркс отдыхает. У него: деньги – товар – деньги. А у нас – товар – товар – товар. И вот нам нужно из этого товара попытаться сделать деньги. Украина продолжает кормить Россию. Маслище украинское, огурчики и прочее. Ну да ладно, потом объясню. Сегодня придут машины с тремя цистернами подсолнечного масла на разлив и вагон бочек с огурцами. А мы должны взамен масла и огурцов привести в Украину ГСМ. Ухватываешьсуть?

– И что, мы будем менять огурцы на топливо? – попытался уточнить я. Но мой вопрос остался без ответа.

Я принялся за чтение книг. И не успел еще устать от безделья, как в комнату ввалился Василий Алексеевич.

– Ну что за жизнь? – и он смачно выругался. – Как птица – нагадит и улетит.

– Кто нагадит? – не понял я смысл сказанного.

– Жизнь, кто ж еще! Утром все было так перспективно, и

вот – проблема за проблемой. А еще эти козлы не успели приехать, а уже нажрались, как свиньи!

Я продолжал оставаться в глубоком непонимании.

– Шеф, – наконец не выдержал я, – ты можешь мне по-медленней и нормально объяснить, что произошло? А то птички, прилетели, нагадили, напились, жизнь, как у свиней. Ничего не пойму!

Василий сел за стол, откупорил новую бутылку водки, выпил, а затем, видимо успокоившись, попытался мне все объяснить. Оказывается Павлово-Посадская фабрика по производству тканей отказалась оптом забирать несколько тонн нефасованного подсолнечного масла из-за отсутствия емкостей. А тут еще и водители, обрадовавшись, что без особых потерь добрались до места назначения, хорошенько выпили и стали требовать деньги за работу.

– А водители эти не мои. Я их зафрахтовал на поездку. А где я сейчас их возьму, эти деньги? – слегка заплетающим голосом спросил сам себя Василий. – Ну, нет у меня налички! Где я им ее возьму? Ты посмотри на них, еще права качают. Шантажисты. Всякое дерьмо фиалкой хочет пахнуть!

– Василий Алексеевич, ты, наверное, ложись отдыхать, утро вечера мудренее, как говорили древние китайцы.

– Да это не китайцы сказали, – попытался возразить он, но послушал меня и лег.

Честно признаюсь – в эту ночь я очень плохо спал, пытаюсь найти выход из положения. В конце концов, план созрел сам по себе. Я мысленно похвалил Василия Алексеевича за то, что он надоумил меня взять костюм и галстук. Когда Калашников проснулся, я выглядел, как свежий персик, и прихорашивался, стоя у большого зеркала.

– Ты куда так рано? – удивленно спросил он.

– Куда-куда? Спасать матушку-Украину. Я даром, что ли представляю Родину в ближнем зарубежье?

– И как ты думаешь спасти ее, эту... мать нашу?

– Не дрейфь, шеф, есть план кое-какой. Значит, делаем так, – и я вкратце изложил свой план. – Ты главное не вмешивайся и только поддакивай мне, а называй исключительно по имени-отчеству. Потерпишь?

– Да я ради того, чтоб как-то решить проблему, готов уступить тебе место генерального директора биржи!

– Какой еще биржи?

– А, это я забыл тебе сказать, меня же перед самой поездкой назначили генеральным директором областной сельскохозяйственной биржи. И, сам понимаешь, не могу я без дизельного топлива вернуться назад. Не могу! Посевную завалим – всем мало не покажется.

– Ну, правильно. Ты, Алексеевич, и меня уже приплел к этому делу. Ты это имел в виду, когда говорил, что работаю хорошо? Ну, да ладно, поехали. Сейчас, главное, водителей на ноги поставить, а потом перейдем ко второму пункту нашей операции.

В комнате общежития, где устроились шесть водителей, царил бардак. Воздух был буквально пропитан запахом алкоголя, пота и сигарет. А полупьяные земляки уже разминались пивом. Их небритые физиономии больше походили на морды дальних сородичей, томящихся в зоопарке.

Василий Алексеевич попытался что-то сказать, но его голос потонул в нестройном хоре:

– Деньги привез!? – да именно так, на «ты». Словно перед ними был не генеральный директор, а экспедитор Вася. Я не выдержал такого фамильярного и, главное, наглого обращения к уважаемому мной человеку и что есть мочи заорал:

– А ну встать, когда с вами генеральный разговаривает! – я сам испугался своего грозного крика, но деваться было уже некуда, а отступить – и подавно.

Мой грозный рев или непонятное для них слово «генеральный» в данном контексте произвели эффект мощного подзатыльника. Я видел, как от неожиданности вздрогнул даже Василий.

– Так, – продолжил я, увидев, что одержал маленькую победу в виде воцарившейся тишины. – С этой минуты все вопросы тут решаю я, понятно? Развел ты тут, Алексеевич, бардак, понимаешь. Что, хочешь, что б я на твое место замену нашел? Какого хрена ты этих... – я помолчал, подбирая слова, чтоб не перегнуть палку, – пьяниц набрал? Что, у нас нормальной рабочей силы нет? Алкашня одна. Докладную мне на стол и официальное письмо на руководство организации о том, что позорят нас за границей. А вы, – я повернулся к сидящим на кроватях и притихшим обитателям комнаты, – немедленно сдать ключи от машин и поездом – домой! Ясно!? С вашим руководством я уже все согласовал. Вас за пьянку на производстве увольняют без выходного пособия по статье... – я назвал первую пришедшую на ум статью Трудового кодекса Украины. – Завтра же вышлют замену. – И пафосно добавил: – Не позволим позорить украинский народ и наше молодое независимое государство!

По внешнему виду мужиков было видно, что они начали резко трезветь. А Василий Алексеевич так растрогался происходящим, что вкрадчивым голосом произнес:

– Позор-то какой. А может?..

– Что может!? – перебил я его. – Ты о себе подумай! Может... За алкашей он вдруг забеспокоился. А кто подумает о будущем урожае зерновых, если мы не привезем дизельное топливо? Люди останутся без работы, поля – без зерна, магазины – без хлеба. Да в 39 году таких, как они, к стенке ставили!

Моя лекция об экономических перспективах области в случае провала нашей экспедиции возымела свое действие. Видимо, самый трезвый, а может самый совестливый из них вскочил и, подбежав к Василию, запричитал:

– Алексеевич, ну скажи этому, – указал он пальцем на меня. – Мы ж нормальные хлопцы! Ну, выпили трохи, ну, потрепали нервы. Но мы ж пахари! И патриоты страны.

Калашников после этих слов смахнул набежавшую слезу. Остальные водители выстроились в ряд, словно готовясь исполнить гимн Украины. Воцарилось молчание. Я произнес:

– Так, Василий Алексеевич. Объявляю тебе выговор и лишаю квартальной премии. А вам даю время до завтрашнего утра, чтобы привезти себя в надлежащий вид. Вымыться, побриться, вылить на себя пару литров одеколона и в одну минуту девятого, завтра с утра, стоять возле машин. Все ясно? Или кто-то хочет на поезд Москва-Одесса?

Желающих уезжать не нашлось, все жаждали работать в дружном коллективе под моим чутким руководством.

Когда мы вышли и сели в машину, Василий посмотрел на меня и сказал:

– А знаешь что? Переходи ко мне на постоянную работу. Я тебе и зарплату, и премиальные хорошие положу. У тебя это все так красиво вышло. Талант просто.

– Ладно тебе, Вась. Я же в свое время в кружке драматическом участвовал, и в агитбригаде был. Кое-чему научился, – и я, торжественно протянув руки в сторону сидящего Василия, громко продекламировал:

Пройдут года, настанут дни такие
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовет!

– Ну, ты даешь! Доходчиво и патриотично, – и тут же, спохватившись, произнес, – А насчет выговора мне ты переборщил. Это ж надо – додуматься до такого! При всех мне выговор объявить! Хорошо, что хоть без занесения в

трудоую книжку. Экспромтом, видите ли, он выдал. Лишить квартальной премии и выговор объявить! Я тебе другое скажу – если у нас выгорит то, что ты сегодня придумал, то я тебе такую премию выделю, что месяцев шесть работать не будешь.

На фабрике, куда мы приехали после мастер-класса с водителями, я поинтересовался, как зовут председателя профсоюзного комитета и где его можно найти. Что интересно – в коллективах, где работало 90% женщин, на руководящих должностях были, как правило, мужчины. Самую трудную работу, я бы даже сказал, черновую, выполняли тоже они. Прямо как в анекдоте, который я вспомнил, поднимаясь по лестнице – стоит бригада из трех мужиков и одной женщины с лопатами. Бригадир распределяет работу:

– Ты, Ваня, отмеришь ширину, ты, Степа, – длину, я – глубину. А тебе, Маша, копать.

...Председатель профкома, видно, маялся от безделья, потому что, как только мы вошли в его кабинет, очень оживился, а узнав, что мы из братской республики, несказанно обрадовался.

– Я ж, хлопцы, половину Украины объехал, возил наших победителей соцсоревнования на экскурсии. Киев, Одесса и далее по списку. Ох, и погуляли мы тогда с девчонками! Есть что вспомнить, жаль, рассказывать нельзя. А вы чего к нам пожаловали?

Василий Алексеевич вкратце рассказал о договоренности с директором, о бартере с тканью, которую мы должны были завезти на мебельную фабрику, а мебельная фабрика...

– Но хлопцы, и чем же я вам помогу, если сам директор отказал? У нас решает только он, – и профсоюзный лидер ткнул указательным пальцем вверх.

– А у нас предложение, как говорят, отличающееся своей новизной. У вас коллектив какой? Правильно, женский. А

женщина кто? Правильно – добытчица и кормилица. К тому же приближается 8 марта. И мы предлагаем, чтобы профком выступил с инициативой продажи украинского дефицитного масла прямо не отходя от производственной проходной, то есть с доставкой к рабочим станкам. А вам с нас бутылка! – и, увидев, как начал отмахиваться руками профорг, добавил: – Что мы имеем в результате? Женщины с маслом, мужья накормлены, мы – с деньгами. Настроение у женщин поднимается, а значит, растет производительность труда.

– Стой, стой, – прервал меня председатель профкома, – где-то я уже это слышал. А, точно, новые Нью-Васюки! Хотя идея мне нравится. Я к директору. Пять минут, и мы обсудим, если, конечно, получим добро.

Вернулся он гораздо раньше. По довольному потиранию рук я понял, что предложение принято. Ничего не говоря, он сел за стол, набрал чей-то номер:

– Я тут с Украиной договорился о прямых поставках растительного масла по ценам производителя. Значит так, срочно организуй с десяток объявлений с таким текстом: помногочисленным просьбам женщин коллектива в преддверии празднования международного женского дня 8 марта профком организывает продажу высококачественного натурального и экологически чистого масла из братской Украины...

Когда мы вышли из кабинета, Василий Алексеевич не сдержал себя:

– Ну, ты даешь! Придумал простую схему, которая нам, в случае успеха, сразу гарантирует получение наличных. Я об этом и не мечтал. Ты начинаешь окупать все съеденные тобой окорочка, – пошутил он.

Утром в назначенное время все три машины стояли во дворе завода, а возле них – как стеклышки трезвые водители. На каждом из них был чистый белый халат. В руках они держали большие половники и лейки.

– Значит, так. Всем есть возможность хорошо заработать. У каждого в машине по 9 тонн масла. Умножаем на... – я назвал цену, по которой предполагалось продавать масло, – плюс ваш интерес – 20 копеек на литре. Это вам не водку паленую пить. Всем ясно?

Задолго до назначенного времени к машинам потянулись толпы людей. Огромное количество разнообразных банок, бидонов и прочей подобной посуды в их руках радовало наши сердца.

Василий Алексеевич упаковывал деньги в коробки из-под обуви, подписывая каждую номером машины, откуда они были доставлены и аккуратно грузил в багажник стоящей рядом «Волги». Раньше я плохо представлял, сколько это на самом деле – 27 тонн драгоценного украинского золота. Теперь же мне казалось, что масло в бочках никогда не иссякнет. Но когда во двор фабрики стали сходиться люди, живущие в близлежащих домах, я понял, что у нас все получится. Так или иначе, но через два дня наши источники масла полностью иссякли. Продавцы, они же водители, получив обещанный гонорар, прощались с нами, как с родными. Радостные слезы медленно стекали по их щекам. Несомненно, их командировка удалась. Мы же завезли ящики с деньгами в наше временное пристанище и, разложив их по ковру, стали сводить концы с концами. Я вначале переживал, но более опытный в таких делах Василий успокоил меня:

– Ты не дрейфь, у нас навар должен получиться неплохой. Это же торговля. Понимаешь, тонны и литры – это далеко не одно и то же.

– Алексеевич, главное, что б у нас не получилось так, как иногда в жизни случается: торговали – веселились, подсчитали – прослезились...

Василий что-то считал, то на калькуляторе, то в столбик умножая в тетрадке. В конце концов, когда на эти деньги я уже даже смотреть не мог, он присвистнул и произнес:

– Ну, ни фиги себе! – и замолчал.

– А может, не только себе, но и мне? Шутка.

– Да нет, это я так, к слову. Надо это дело обмыть, – и, разлив по рюмкам водку, торжественно произнес: – Ты спас не только меня, ты спас посевную. Поэтому торжественно вручаю тебе вот эту стопку! – и он указал на внушительных размеров денежную кучу, лежащую посреди стола.

– И что, это все мое? – я изумленно почесал голову. – И что я с этими деньгами делать буду?

– Что-что, – передразнил, как обычно, меня Калашников.

– Завтра накупим ковров турецких, у нас они знаешь какой дефицит? Потом продадим дома и снова наварим. А потом...

– Где-то я недавно уже про Нью-Васюки слышал.

Утром, погрузив деньги в мешки из-под сахара и закинув их в багажник, мы отправились, как объяснил мне Василий, платить задаток за первую партию ГСМ. Подъехав к трехэтажному зданию, и водрузив по мешку на плечи, мы, как два Деда Мороза подошли к металлической двери. Нажав кнопку домофона, мы услышали грубый мужской голос, который произнес:

– К кому?

Василий Алексеевич, судя по его быстрому ответу, был тут уже не в первый раз. Дверь отворилась и какой-то амбал (другого определения у меня просто нет) в маске с прорезью для глаз и автоматом наперевес на одном дыхании произнес:

– Третий этаж, два звонка, подниматься без лишних движений, не останавливаясь на площадках.

Мы вошли в коридор. Там нас обыскали и проводили к дверям без какой-либо таблички. Ее открыл молодой па-

рень. Мы вошли в небольшую комнату, где за столом сидел мужчина средних лет не очень славянской внешности.

– О! Привет, дарагой! Васек! Как давно тэбя не видэл! Ты гиде пропадал? Что, снова гарючка нужна? Сеешь-пашешь? Гарючку – это мы можем. Сколько надо, дарагой? Два, три состава? Все сдэлаем. Только дэньги вперед. А ты чего это их в мешках принес? Что, трудно сумку купить или чемодан? Сколько тут? – Василий назвал принесенную сумму. – Капэйки, дарагой, капэйки, – он нажал на кнопку стоящего аппарата. Вошел все тот же молоденький парень. – Забери, пусть посчитают, пока ми каньяк пить будэм. И бумаги сдэлай как надо, чтобы праблем у братьев не било – даговор там и прочее.

– Я за рулем, – пытался отнекиваться Василий.

– А я, ты думаешь, дарагой, за чем? Тоже за рулем, – и он, засмеявшись, разлил коньяк по рюмкам. – За встречу, дарагой. Рад тебя видеть.

– Вася, а ты не боишься, что тебя кинут с этими деньгами? – спросил я, когда мы снова оказались в нашей квартире.

– Ты что! – возмутился Василий Алексеевич. – Во-первых, ты же слышал, что он сказал – это копейки. А во-вторых, это серьезная фирма, с которой я уже не раз имел дело, – и он, повеселев, пропел: – «Первый тайм мы уже отыграли...» Ты завтра отсыпайся, а я на овощную базу. Огурчики торжественно передавать. А потом денежки снова завезем, выпьем за нашу победу, отдохнем денек и назад. А то, честно, что-то в этот раз все на нервах.

Но проблемы никак не хотели покидать Василия Алексеевича. Или он их притягивал, или действительно в этот раз что-то не срослось. Так или иначе, но на следующий день, когда вернулся с овощной базы, выглядел он постаревшим и осунувшимся.

– Что случилось? – сразу спросил я.

– «Шеф, все пропало, гипс снимают, клиент уезжает», – невесело процитировал он фразу из популярного кинофильма. – В этот раз нам, кажется, точно ж... – и он грубо выругался. – Когда приеду, я этим засольщикам не только руки, но и головы поотрываю! Вагон огурцов забраковали, козлы! Что теперь делать? Это ж убытки какие! – и он в упор посмотрел на меня.

– Василий Алексеевич, смотри-не смотри на меня, но в огурцах точно не разбираюсь, я всё больше по персоналу, – я попробовал отшутиться. – С людьми оно как-то проще. А вот огурцы, бочки, рассол... Нет, уволь.

Но Василий смотрел на меня, как верный пес на хозяина.

– Вся надежда на тебя. Думай!

– А в чем, собственно, проблема?

– А проблема в том, что наши огурчики оказались далеко не такого размера, как указано в приложении к договору. А еще эта идиотка, заведующая базой! Она меня чуть крышкой от бочки не огрела, когда орала. Кем я только унее не был.

– И ты, Василий Алексеевич, решил теперь меня под танк, вернее, под идиотку кинуть? Знаю я этих москвичек. Слышал, как одна орала с балкона своему зятю – «А я тебя, сволочь, котлетами кормила!» Нрав у них ох и крутой! Ладно, давай завтра наведаемся к ней, попытка – не пытка. Ну, огреет она меня, не убьет же. Как думаешь, Алексеевич?

– Ну, я же рядом буду, вдвоем как-то отобьемся.

Утром, снова вырядившись в «волшебный» костюм и строгий черный галстук, я кинулся на амбразуру, держа в руках вместо связки гранат блокнот. Я заметил, как сжался Василий, заметив вдалеке силуэт знакомой дамочки. Мало того, что она сама была внушительных размеров, ее объемы увеличивала одетая поверх свитера ватная куртка. В руках она держала гвоздодер, при помощи которого, видимо, открывала ящики и бочки. Но именно этот инстру-

мент настораживал меня больше всего. Еще издалека она заорала:

– Вы еще не вывезли свои бочки!? Весь склад захламили! Ты чего мне привез, ублюдок? – она вытащила изо рта сигарету и швырнула ее в нашем направлении. – Огурцов нормальных и то не могут вырастить! Самостийна Хохляндия!

– Клавдия Михайловна, а чем это наши огурчики вам не угодили? – попробовал я начать разговор.

Она посмотрела на меня с откровенно выраженным отвращением, словно увидела таракана или пробегающую по складу мышь, и презрительно прошипела:

– А это что за чучело в галстук? Ты кого мне привел? Что этот интеллигент недоделанный делает на складе? Огурчики чем мне не угодили? Я тебе сейчас эти огурчики полуметровые в одно место засуну! Ты их хотя бы видел!?

– Так я их сам и засаливал. Вернее, засаливали под моим руководством. Технолог я, пищевой и перерабатывающей промышленности.

– Перерабатывающей, говоришь? Сейчас ты у меня их прямо тут перерабатывать будешь!

Страх прошел. Теперь эта огромных размеров баба начала меня веселить. Я рассмеялся.

– Ну, вы, Клавдия Михайловна, и шутница! И что вам, собственно, не понравилось? Размерчики не те? На вкус, на цвет и на размер, скажу вам честно, товарищей нет, – попытка пошутить №2.

– Ты на что это намекаешь, мышь серая? – стала еще больше злиться кладовщица. Я же, как будто не замечая ее злости, предложил:

– А давайте вместе с вами посмотрим содержимое, например, вот этой бочки, – показал я на первую попавшуюся из них. – Может, девочки случайно что-то напутали при отправке, и одна попала не та.

Дама посмотрела на меня, как на приговоренного к казни на электрическом стуле. Потом, как ружье, вскинула гвоздодер вверх, подошла к указанной бочке и, подковырнув крышку, приоткрыла ее.

Лучше бы я ничего не предлагал. В бочке один к одному лежали желтенькие, размерами со средний кабачок огурчики украинского засола. Баба ехидно улыбнулась. Я же хладнокровно подцепил пальцами, как мне показалось, самый маленький огурчик. После чего спокойно отправил его себе в рот, словно наслаждаясь вкусом морской рапы.

Невозмутимо доев украинский деликатес, и даже не взглянув на стоящую с широко раскрытыми глазами русскую красавицу, я жестом указал на другую бочку.

– Открывайте, – скомандовал. Но лучше бы ограничился предыдущей. Потому что из этой бочки на меня смотрели уже не кабачки, а самые настоящие дыни. И не украинские, а узбекские, растрескавшиеся со всех сторон.

– Ну что? – с сарказмом спросила тетка. – Может, ты и этот огурчик отведаешь? Хлебца не дать?!

Я же невозмутимо стал есть, вернее, даже жрать вынужтую из бочки дыню, с наслаждением причмокивая. Меня не то чтобы тошнило, мне хотелось извергнуть все содержимое желудка, и, желательно, в сторону тетки. Но в голове вертелось: «Нас послали, и мы должны продержаться. Назад дороги нет. Мне как мне, но Василию Алексеевичу эти огурчики с дынями точно засунут кое-куда...»

– Ну, что, – проглотив очередной кусок, сказал я. – Забирай, Василий Алексеевич, груз, и отправляем его в Новосибирск. Я утром разговаривал с их продуктовой базой, просят срочно отгрузить еще один вагон. Тот, что отправили две недели назад, уже разгребли. Праздники идут, а витаминов хочется. Новосибирские бабы к 8 марта уже меню составили, а оливье и винегрет без огурчиков никак не сварганить. Пошли, – и я направился к выходу. И тут ус-

лышал такие выражения, которых ни разу не приходилось за все прошедшие годы своей жизни.

– Ты куда это надумал мои огурцы отправить? Вот тебе Новосибирск, – и она сунула мне под нос огромную дулю. – А москвичи что жрать будут? Ты думаешь, мы не любим винегрет? Технолог долбаный! Чему вас там только учат, в институте? Никакого уважения к женщинам! Стоит, жрет наши огурцы, и еще издевается! А ты чего встал, как вкопанный!? – обратилась она к Калашникову. – Поганят престиж твоих партнеров по бизнесу, а ты и рот раскрыл! Тащи бумаги, беру я твои дыни.

Но я уже не слушал, что она говорила в наш с Калашниковым адрес. Я бежал, надеясь хоть где-то найти стакан воды. Во рту буквально хрустела соль. Живот предательски заурчал. Услышав топот за своей спиной, я обернулся, думая, что эта дама продолжает преследовать меня. Но это был Василий. Мы вскочили в машину, и я заорал:

– Давай, дорогой, гони сначала к магазину, мне срочно запить нужно! А потом домой, а то как бы беды не было.

Последующие два дня я никуда не выходил из дому, то отсиживаясь на стульчаке, то отлеживаясь на диване. Все это время я был словно в сонном бреду. Василий ухаживал за мной, как за малым ребенком – варил бульон и отпаивал чаем. Меня же начинало тошнить при одном упоминании об огурцах, бочках или рассоле. Но премия за спасенный имидж государства, выданная, слава богу, не посмертно, слегка поправила мое пошатнувшееся здоровье. Правда, о деньгах я вскоре позабыл, а вот об огурчиках до сих пор помню.

На этом приключения украинцев в России не закончились. Но воспоминания об огурцах и окорочках на время отбили охоту к написанию мемуаров...

Николай Цуканов

«НОЖКИ БУША»